

УДК 177.8

А.В. Миронов, доцент, канд. филос. наук*Севастопольский национальный технический университет,**ул. Университетская, 33, г. Севастополь, Украина, 99053**E-mail: root@sevgtu.sebastopol.ua***РАКУРС ИНДИВИДУАЛЬНОГО ОБОСОБЛЕНИЯ В АРХАИЧЕСКИХ КУЛЬТУРАХ**

Рассматривается проблема индивидуального и коллективного существования людей в рамках примитивного общества; отмечаются особенности взаимоотношений людей в племени, объединенных необходимостью непосредственного группового существования: деятельности, сознания, норм поведения, понимания традиций и высшего, как связанного с общим.

Ключевые слова: *архаическая культура, группа, совместное участие, враждебное племя, социальный порядок, религиозное сознание, индивидуальная жертвенность, коллективная ответственность, изоляция, особенная связь.*

Рассмотрение истоков современной цивилизации позволяет выявить причины трансформации общественных явлений, которые, по мере исторического развития, видоизменяют свои очертания, специфику, движущие силы и мотивацию.

Исследование архаических культур представляет материал, основываясь на котором, можно выделить знаковые моменты социальной проблематики, их генезис и ряд вопросов, представляющих актуальное значение и в наши дни. Одним из них является дисфункция отношений личности и системы социальных связей.

Этнографическое поле можно сравнить с идеальной моделью, латентно содержащей потенциальную составляющую будущих трудностей. В трудах Дж.Дж. Фрезера, Н.Н. Миклухо-Маклая, М. Дэйви, Э.Б.Тэйлора, К. Леви-Стросса представлены описания деятельности племен, находящихся на ранней стадии развития и имеющих минимальный опыт взаимодействия с цивилизацией, что позволяет делать непредвзятые выводы о характере взаимоотношений среди туземцев, анализировать бытовую атмосферу, выделять сегменты политики и устоявшихся обычаев.

Автор статьи ставит целью очертить картину коллективного существования через ракурс обособления, скорее, его невозможности в подобных условиях. Метод от противного позволяет с очевидностью убедиться, что проблему социального одиночества можно отнести к более поздней стадии истории и другим социально-экономическим и духовным условиям. Особый акцент делается на способы идентификации человека по ощущению свободы и препятствиях на путях ее реализации. Групповое сознание и индивидуальное мироощущение в своей тождественности не позволяют дистанцироваться от общепризнанных принципов и обычаев, тем самым, ограничивая горизонт индивидуальных переживаний и осмыслений.

Формой социальной организации первобытного периода являлось небольшое по количеству участников сообщество, объединенное территорией, освоенной ими или их предками, религиозными культами, выступающими как устойчивая традиция, обычаями, регламентирующими взаимоотношения внутри группы, общими навыками устной речи. Поля, деревья, лес, реки, прибрежная часть морской акватории принадлежат всем, наравне с личной собственностью. Экономическая и социальная деятельность строго не различаются, так как требуют постоянного совместного участия. Коллективные охота и рыболовство более продуктивны в силу того, что при примитивных орудиях больший результат достигается использованием максимального количества участников (загонная охота, большие сети в рыболовстве и т.д.) Совместное хозяйственное участие устанавливает зависимость всех от всех. Каждый становится залогом успеха другого, притом линия добродетели воспринимается как равная практическим навыкам. Жесткие условия выживания требуют сплоченности и единства. Природные катаклизмы, угрозы со стороны враждебных соседей, необъяснимые явления обостряют взыскательность внутри сообщества. Система существует в трех основных измерениях: инстинкт коллективного самосохранения, общественный способ добывания необходимого, враждебность со стороны других (к которым относятся все не входящие в данную группу). Только при осуществлении этих положений индивид получает возможность реализовывать личные интересы. «Группа нацелена на то, чтобы получить от определенной среды то, что ей необходимо для поддержания своего существования. В этом процессе активно участвуют все члены группы, которые находятся в тесном сотрудничестве и разделяют общие обычаи... Вне группы жизнь человека находится в опасности, потому что в таком случае он является чужаком, а чужак равносителен врагу» [1, с. 22]. Сам по себе человек не представляет ценности, он существует только как часть целого – так воспринимается соплеменниками и утверждается в собственных глазах. Его мироощущение ограничено незыблемыми пределами земли, воспринимаемой как «своя» и персонифицировано группой, воспринимаемой как «свои». Остальное пространство и люди – «чужие».

Дилемма «свой» – «чужой» – составная часть на протяжении всего цивилизованного процесса. Менялись критерии определения: национальность, религиозные убеждения, сословная принадлежность, политические убеждения, материальное благополучие. Ослабление экономической зависимости дает возможность индивиду получить более широкий ракурс действий и, тем самым, условия для самопредъявления и позиционирования. Диапазон коллективной морали постепенно сужается, теряя прежние способы воздействия. Человек обретает право идти вразрез с общепринятыми положениями, отстаивая собственную свободу, свое «я», свое место в общественной структуре. Определение «свой» – «чужой» принимает характер личностной дефиниции, опирающейся на мировоззренческую парадигму, которую индивид выработал в ходе жизни. Доминирующими понятиями в Древней Греции и Риме были – «свободный» – «раб», в Средние века в Европе – «иноверец» – «христианин». Новое время предлагает различия по национальному признаку. К XX веку набор отличительных принципов увеличивается: богатство и бедность, принадлежность к политическим партиям, образовательный уровень.

Архаические культуры возводят данное противостояние в абсолютное, так как на нем основано выживание группы. Обычаи и, прежде всего, табуация направлены на формирование двух поведенческих стереотипов: что можно по отношению к своим и как поступать с чужими. Правила носят всеобщий характер и не позволяют индивидуальному «я» варьировать поступки. «Нарушение социального порядка приобретает противоестественный характер, даже если оно повторяется, то производит на нас впечатление исключения, которое для общества то же, что урод для природы» [2, с. 9]. Мир, основанный на подобном разделении, считается вечным и неизменным. По аналогии человек должен действовать, руководствуясь не личными пристрастиями, а раз и навсегда установленными законами.

Взаимоответственность становится основным фактором реализации вышеприведенного положения. Член группы четко знал, на чьей стороне он должен выступать, и в этой ситуации акцент делался на выполнении обязанностей по отношению к сородичу. Отказ или небрежность исполнения определяли дальнейшее существование в рамках целого: или всеохватывающая поддержка в любой жизненной ситуации, или удаление из системы, что могло приравниваться к небытию. Три глобальные точки связывают туземцев воедино: война, смерть, высшее. В этих положениях максимально раскрывается взаимозависимость всех от всех. Конфликты носят перманентный характер, борьба за территорию, добычу, женщин ведутся как способ выживания, самопожертвования по необходимости. Локальность и малочисленность участников не позволяли «спрятаться за чужой спиной», тем самым, иницируя личное проявление. Только доверяя друг другу самое ценное – жизнь, можно рассчитывать на успех. Попытка устранения означала обвинение в трусости, что служило объектом всеобщей насмешки. Индивид вынужден подавлять в себе слабость. Слава и признание отдается сильным и мужественным, что при тесном сосуществовании позволяет чувствовать себя комфортно. Один не способен справиться с угрозой, он заинтересован в полной уверенности в адекватных действиях другого. Если принять во внимание обычай кровной мести, то становится понятно взаимодействие всех членов сообщества. Оно диктуется не только агрессией или враждебностью, а представлением о балансе, гармонии в окружающем мире. Замена одного другим поддерживает убеждение о неотвратимости мести и воздаяния. Обособление нарушило бы выполнение столь важной функции в глазах первобытных народов и стало бы причиной разрушения целостности коллективного сознания. «Леснар, говоря о верованиях виргинских индейцев, по которым добрые после смерти будут покоиться, а злые – мучиться, замечает, что злыми они считают своих врагов, а добрыми самих себя и что, таким образом, по их мнению, после смерти они будут жить в довольстве, особенно те из них, которые сражались за родину и убивали своих врагов» [3, с. 238].

В архаичных культурах неразрывность членов группы продолжается и после смерти. Анимизм, как ранняя форма религиозного сознания, включает идею о существовании души после физической кончины. Несмотря на особенности ее толкования, общим положением можно назвать совместное вечное бытие соплеменников. Переход души предка в рождающегося младенца (внутри племени) формирует миф о круговороте жизни и в такой же степени убеждает в непрерывающейся связи со «своим» сообществом. Правильное погребение, проводы, соответствующие ритуалы – гарантия достойной жизни в ином мире. Оставшиеся отвечают за ушедшего, их действия обеспечивают комфорт загробного бытия. Искренность, рвение, эмоциональная отдача зависят от поступков, подвигов, неблаговидных действий, совершенных умершим. Следовательно, каждый проецирует себя в ракурсе дальнейшей жизни души вместе с теми, кто его окружает при жизни.

Самоизоляция невозможна, так как плоскости двух существований имеют четкую причинно-следственную связь. Соплеменники – единственно реальное окружение, некая данность абсолютного характера. В другой ситуации индивид может быть рабом, пленным, добычей, но и в этом случае после смерти он возвращается к своим.

Религиозные верования имеют уникальный характер в различных этнических группах. Их зависимость от ландшафта, объектов охоты, климата, доминирующей деятельности, природных ресурсов напрямую связана с факторами выживания группы. Они близки и понятны каждому. Туземец

нуждается в поклонении высшим силам, так как подобная процедура позволяет ему обрести точку опоры в столкновениях с жестоким миром и избавиться от чувства покинутости, заброшенности, внутреннего одиночества. Обряды вселяют уверенность в сопричастность со всемогущественным, всеумудрым справедливым, щедрым порядком, который можно обрести, выполняя принятые предписания священного характера. В них объединяются представления о добре и зле, должном и необязательном, удаче и неудаче, своем месте в мироздании, отношениях с соплеменниками. Самоидентификация индивида строится на ключевых понятиях веры и кровного родства, что тождественно и не предполагает исключений. Религиозные убеждения устанавливают и регламентируют основные формы священнодействия: табуацию, жертвоприношения, выбор фетишей, публичное изгнание зла. Каждый обряд непосредственно касается любого, достигшего определенного возраста, прошедшего обряд посвящения и не замеченного в недостойных поступках (в таких случаях применяется наказание в виде изгнания или временного отстранения от общественных дел). В ранних религиозных системах представлен принцип пропорциональности. Значимость обращаемых прошений предполагает соответствующий эмоциональный и психический накал обрядовых действий. Голос одного может быть не услышан высшими силами в отличие от общей духовной силы, направленной на благо всех.

В акте жертвоприношений прослеживается не только ритуальная связь со сверхъестественным миром, но и мотив, направленный на укрепление социального единства племени. Дар, передаваемый богам, несет коллективный посыл всех членов сообщества. Участие в обрядовых действиях формирует чувство неразрывности. Каждый может рассчитывать на долю удачи, ниспосланной всем. Блага (урожай, охотничья добыча, победы в войнах) принадлежат не персонифицированному персонажу, а коллективному образу единомышленников, тем более, что не каждый способен принести значимые жертвы, подобающие статусу верховных божеств, отвечающие за жизненно необходимые «поступления». Народность канды, проживающая в Бенгалии, во время человеческих жертвоприношений озвучивают действия словами: «Твой ребенок отдал свою жизнь ради жизни всего живого» [4, с. 481]. Жизнь ассоциируется только со «своими». Сопричастность позволяла верить в победу над смертью над величайшим злом. Провинности, недостойное поведение, утрата доверия окружающих в сознании примитивных народов меняет расположение сверхъестественных сил конкретного отступника. Непонятность, непохожесть поступков относительно общего критерия могут расцениваться как посягательство на устои, гарантирующие стабильность и гармонию.

Одним из обрядов, требовавших совместных усилий, становилось публичное изгнание сил зла. Злые духи сильны и коварны, они вредят всем, независимо от пола, возраста и занятий. Индивидуальная воля не способна им противостоять. Во время массовых эпидемий, падёже скота, неурожаев туземцы разделяют несчастья между собой, то есть, каждый принимает свою долю негативных последствий разразившейся беды. Человек готов претерпеть от «своих». Особым подвигом считалось предложить себя или своих близких в качестве искупительной жертвы. Благодарность за подобный поступок со временем распространялась на его потомков. Все временные ипостаси объединяются воедино, индивид связан с соплеменниками прошлым, настоящим и будущим: «...устраивая общее избавление от злых духов, чтобы, освободившись от пагубных влияний, сложившихся вокруг них за долгое время, люди могли, почерпнуть новый заряд жизненной энергии» [4, с. 612]. Одной из форм противостояния с «темными» силами было изгнание из сообщества. В одиночестве туземец несет на себе «греховное» всех. Таким образом, изоляция становится наказанием большим, чем смертная казнь. Один не в состоянии бороться со злом и обречен на страшные муки.

В тотемных поверьях соблюдение табу поддерживало уверенность, что нарушение может повлечь за собой ряд катастроф как личного, так и, в еще большей степени, общественного характера. Механизм воздаяния, тайна, его сопровождающая, оставляли туземцев в сфере воздействия общественных предписаний, не позволяя реализовывать собственную индивидуальность. Любые сомнения трактовались как негативные. Мышление, в силу его примитивности, не вступало в диалог с традицией. Даже оставшись вне поля зрения соплеменников, первобытный человек не ощущал себя свободным. Коллективная ответственность за все нарушения индивида была неотъемлемой частью сознания. Святость и осквернение – два основных понятия табуации в племени. Если отвлечься от запретов, связанных с окружающей природой (умерщвление животных, птиц, рыб, которым поклонялось племя), то второй составляющей становилось ограничение на контакты с теми, кто в глазах большинства «выпадал» за общие рамки. Любые отличия воспринимались подозрительно. Унификация – средство выживания в жестоком мире. Племя осуществляло формальное равенство: физические, интеллектуальные, психологические вызовы индивида наталкивались на противостояние со стороны большинства. Единообразие – норма существования. Любые отклонения – уродство физическое и душевное. «Цель табу является изолировать определенные категории лиц от всего мира, чтобы их не достигла или от них не исходила внушающая страх духовная опасность» [4, с. 254].

Не меньшей опасностью для группового существования является внутренний конфликт среди членов сообщества. Социальные противоречия вызывают столкновение с имеющимися предубеждениями. Постоянное расслоение по имущественному принципу параллельно сословному, иерархия, обладающая большими правами, жрецы, осуществляющие в глазах туземцев посредничество между людьми и высшими силами, стремились поддерживать существующие традиции и сформировать четкую модель поведения. Всякое противодействие и устранение вызывало осуждение и наказание в диапазоне, которым обладали эти силы. Демонстрируемое своеволие могло привести к нарастанию враждебности, представляющей угрозу жизни каждого. «Распространяясь на весь род или племя, вражда возрастала в интенсивности и мощи. Чем локальней, тем скорее и легче она может разрешиться. Если же люди тесно связаны друг с другом, то, конечно, каждый из них защищен от наказания извне, зато любая мелкая стычка может, как пламя, перекинуться по этим связям на все сообщество» [5, с. 44]. Поэтому любая попытка самоизоляции вызывает настороженность, как скрытая недоброжелательность или затаенное чувство обиды, ревности, оскорбления. У туземца она ассоциируется с принудительным отстранением за действия, приносящего ущерб большинству. Добровольно принять на себя наказания при отсутствии негативных составляющих – абсурд на фоне примитивного сознания, оперирующего очевидными причинно-следственными связями.

Публичность существования предполагает максимальную открытость всех перед всеми. Крайне сложно утаить от соплеменников недостатки, ввести в заблуждение относительно своих достоинств. Непосредственность и искренность – отличительные черты коммуникации в архаических культурах. Эмоциональные реакции – самый верный показатель настроений, переживаний, чувств. Фальшь быстро раскрывается и осуждается. Любое отдаление от сообщества нарушает простоту взаимоотношений, внося дисбаланс в привычное. Разумные мотивации вторичны, эмоциональные всплески любви, дружбы, единения, неприязни, почтения доминируют в среде первобытных народов. Таким образом, каждому известна и понятна сложившаяся вокруг него обстановка.

Исключение составляет сословие жрецов, чья деятельность складывается вне сферы практического. Особое состояние транса предполагает сосредоточение и концентрацию внутреннего мира. Они вынужденно обрекают себя на одиночество. Их контакты с соплеменниками сведены к минимуму (участие в религиозных церемониях, имеющих отношение ко всем или индивидуальные встречи с нуждающимися в их помощи). Раздвоенность человеческой сущности становится основанием для уникального, в пределах данной системы, образа жизни. Выполняя социальные функции связующего звена между духами и людьми, служители вынуждены искать оригинальные формы самопредъявлений, где одиночество служит знаком избранности. «Бари (колдун в племени бороро в Южной Америке – А.М.) – это фигура, обособленная от общества. Личная связь, которая соединяет его с духом или многими духами, дает ему привилегии: он пользуется сверхъестественной мощью, когда в одиночку отправляется на охоту, может превращаться в зверя, разбирается в болезнях, обладает даром предвидения» [6, с. 360].

В архаических культурах индивид боится оказаться в ситуации отчуждения. Одиночество – показатель его личностной несостоятельности. Условия существования максимально способствуют групповой консолидации. Примитивность социальной организации не позволяет выделить себя из коллектива соплеменников. Только с усложнением структуры социальных связей (что принято считать поступательным движением в истории) появляется вариативность поведенческих стереотипов, отвечающих логике социальной действительности. Расслоение материальное и политическое, ограничение естественных прав индивида, исходящее из установившейся иерархии сословных отношений, норм, определяемые общественной «игрой», нарушают органическое единство сообщества. Эмоциональная сфера в большей мере начинает подчиняться разумному началу. Добровольная самоизоляция в контексте социальной системы может восприниматься как более высокая ступень цивилизации, связанная с критическим взглядом на устройство государства, законы, действующие в нем, действия руководителей, обычаи, традиции. Самооценка, самосознание, восприятие личных возможностей инициируют более глубокий интерес к собственному духовному миру и, тем самым, порождают ощущение границы между системой и личностью. Человек естественный постепенно уступает место человеку искусственному.

Библиографический список использованной литературы

1. Бергсон А. Два источника морали и религии / А. Бергсон. — М.: Канон, 1994. — 384 с.
2. Аристотель. Сочинения в 4-х томах. Т. 4 / Аристотель. — М.: Мысль, 1984. — 830 с.
3. Мень А. История религии. В поисках пути, истины и жизни. Т. 2. Магизм и единобожие / А. Мень. — М.: Слово/Slovo, 1991. — 464 с.
4. Скрипник А.П. Моральное зло в истории этики и культуры / А.П. Скрипник. — М.: Политическая литература, 1992. — 351 с.

5. Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд / Э. Дюркгейм. — М.: Мысль, 1994. — 399 с.

6. Дубинин Н.П. Генетика. Поведение. Ответственность / Н.П. Дубинин, И.И. Карпец, В.Н. Кудрявцев. — М.: Политическая литература, 1982. — 325 с.

Поступила в редакцию 12.03.2012 г.

Міронов А.В. Ракурс індивідуального відокремлення в архаїчних культурах

Розглядається проблема індивідуального і колективного існування людей у рамках примітивного суспільства на основі сучасних теоретичних і практичних досліджень. Автор відзначає особливості взаємин людей у племені, об'єднаних необхідністю безпосереднього групового існування: діяльності, свідомості, норм поведінки, розуміння традицій і вищого, як пов'язаного із загальним.

Ключові слова: архаїчна культура, спільна участь, вороже плем'я, соціальний порядок, релігійна свідомість, індивідуальна жертвовність, колективна відповідальність, ізоляція, особистий зв'язок.

Mironov A. Individual perspective apart in archaic culture

In article the problem of individual and collective existence of people within the limits of a primitive society on the basis of modern theoretical and practical researches is considered. The author marks features of mutual relations of people in a tribe, united by necessity of direct group existence: activity, consciousness, norms of behavior, understanding of traditions and the higher, as connected with the general.

Keywords: archaic culture, group, combined participation, hostile tribe, social manner, religious thought, individual self-sacrificingness, corporate liability, isolation, special link.